

Юлия Хрони

Книги детям

Паша и говорящий КОТ

Юмористическая познавательная
повесть для детей

Юлия Хрони

**Юлия Хрони. Книги детям.
Паша и говорящий кот. Детская
книга о дружбе и приключениях**

«Автор»

2026

Хрони Ю.

Юлия Хрони. Книги детям. Паша и говорящий кот. Детская книга о дружбе и приключениях / Ю. Хрони — «Автор», 2026

«Паша и говорящий кот» — добрая детская книга о дружбе, смелости, любознательности и важных открытиях. Главный герой Паша живет обычной жизнью, пока однажды рядом с ним не появляется совершенно необычный кот, который умеет говорить. С этого момента привычный мир мальчика меняется, а впереди его ждут удивительные события, разговоры и ситуации, которые помогают по-новому взглянуть на себя и окружающих. Вместе с говорящим котом Паша учится понимать свои чувства, принимать решения, быть ответственным, замечать добро и ценить настоящую дружбу. История написана легким и понятным языком, сочетает юмор, приключения и мягкий психологический смысл. Книга подойдет для самостоятельного чтения младшими школьниками и для семейного чтения вместе с родителями. Это теплая история о том, что самые важные открытия иногда начинаются с неожиданной встречи.

© Хрони Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Юлия Хрони
Юлия Хрони. Книги детям.
Паша и говорящий кот. Детская
книга о дружбе и приключениях

Юлия Хрони

КНИГИ ДЕТАМ

Паша и говорящий кот

Юмористическая познавательная повесть для детей

2026

Юлия Хрони

Книги детям

Паша и говорящий кот

Юмористическая познавательная повесть о Паше Громе, коте Маркизе, дружбе, любопытстве и маленьких открытиях.

Для самостоятельного чтения примерно с 8 лет и чтения вместе со взрослыми.

Книга создана на основе авторских материалов о Паше и Маркизе. Первые приключения объединены и дополнены, сценарные истории переработаны в повествование; добавлены новые главы и завершённый финал.

Все персонажи и события художественные. Говорящий кот — сказочное допущение.

© Юлия Хрони, 2026

Содержание

От автора	6
Как всё началось	8
1 Холодильник после праздников	10
2 Бумажные шарики и один очень терпеливый кот	13
3 Кот нарушает молчание	16
4 Лестница из троек	20
5 Ноль который ничего не забрал	24
6 Мы сделали	27
7 Катастрофа районного масштаба	30
8 Тройка за слово объявление	33
9 Кот который умеет читать расписание	35
10 Забор между согласной и гласной	37
11 Ошибка найденная самим собой	40
12 Кот детектив раскрывает дело	42
13 Момент выбора	44
14 Шнурок и поиски под фонарями	46
15 Дневник вернулся домой	48
16 Любимая буква кота	50
17 Улитка Степан и чрезвычайно быстрая экскурсия	53
18 Нос который объявил выходной	57
19 Портрет с шестью усами	60
20 Паша пришёл домой	63
21 Про правоту и одиночество	67
22 Самый справедливый кусок	72
23 Отличный план	75
24 Компромисс	79
25 День когда кот оказался под столом	83
26 Обычный вечер	86
27 Правда	89
28 После разговора	94
29 Собрание по поводу тапочка	96
30 Следы на кухне	99
31 Предложение	102
32 Три дня ожидания	109

33 Паша спрашивает	113
34 Библиотека и должность переворачивателя	117
35 Кот и его очень дальние родственники	120
36 Вселенная которую не нужно убирать пылесосом	123
37 Звёздная почта	126
38 Вопрос который не помещался в тетрадь	129
39 Пять минут которые пошли гулять	132
40 Рисунок звёздного неба	135
41 Неожиданный ход учительницы	139
42 День открытого урока	144
43 Репетиция которую съела тишина	149
44 Серёжка в дверях	152
45 Мама приносит обед	157
46 Проект втроём	161
47 Как Паша хотел знать всё	166
48 Комната с необыкновенно обычными вещами	169
49 Записка для злого карандаша	172
50 Самолёт который предпочёл диван	175
51 Корабль с очень важным грузом	178
52 Почта которую неправильно поняли	181
53 План с четырьмя лапами	184
54 Кабинет с оленями	187
55 Профессор и кот	190
56 Очень необычный участник	193
57 Прогулка на которую пришли все звуки	196
58 Праздник вопросов	199
59 Димка и картонная Луна	202
60 Детективное дело о пропавших звёздах	205
61 Печенье с неизвестной буквой	208
62 Облака которые не читали расписание	211
63 Большой вечер маленьких вопросов	214
64 Телескоп и маленькое спасибо	217
65 Любимая буква и новый обычный вечер	220
Заключение от автора	223

От автора

Здравствуй, мой дорогой читатель!

Моя профессиональная подготовка включает семейную психологию, семейное психологическое консультирование и системную семейную психотерапию. Первое высшее образование связано с экономикой и менеджментом; позднее я продолжила образование в области практической психологии.

Меня зовут Юлия Хрони. Я семейный психолог, специалист по психологическому консультированию, автор книг и психологических методик, создатель авторской колоды метафорических ассоциативных карт «Реальность или фантазия». Обычно я пишу для взрослых. Эта книга — мой первый опыт написания истории для детей, и начинать его я решила с мальчика и кота.

Почему с кота? Потому что кот способен одним взглядом сказать больше, чем взрослый за целое собрание. А если он ещё и заговорит, собрание можно смело отменять. Правда, сам кот, скорее всего, потребует мягкое кресло и объявит перерыв на обед.

Мне хотелось написать книгу, которую приятно читать перед сном, в дождливый день или просто тогда, когда хочется чего-нибудь весёлого. Здесь будут бумажные шарики, пропавший дневник, звёзды, странные вопросы и один очень важный Маркиз. Он знает многое, но далеко не всё. Иногда ему тоже придётся исправляться, удивляться и просить помощи.

Паша — хороший мальчик. Это совсем не означает, что он всегда правильно решает задачи, никогда не сердится и каждый вечер сам убирает носки. У хороших мальчиков тоже случаются плохие дни. У хороших девочек — тоже. И даже у хороших котов, хотя они редко согласны обсуждать это до завтрака.

Как семейный психолог, я знаю, как много для ребёнка значит спокойное «давай попробуем вместе». Поэтому рядом с Пашей будут люди, которым можно сказать, что страшно, трудно или обидно. Но эта история не станет уроком психологии. Никто не будет проверять, правильно ли ты смеялся, и ставить оценку за то, как ты понял Маркиза.

Я хочу, чтобы ты встретил здесь друзей. Чтобы иногда узнавал себя в Паше, иногда соглашался с Серёжкой, а иногда замечал, что кот опять слишком важничает. Возможно, после чтения тебе захочется посмотреть на небо или задать вопрос, который давно вертится на языке. А может, просто погладить своего питомца — если он согласен.

Можно читать по одной главе. Можно останавливаться на самом смешном месте и перечитывать его взрослым. Можно спорить с героями. Если Маркиз начнёт возражать, напomini ему: у читателя тоже есть собственное мнение.

Устраивайся поудобнее. Паша уже достал тетрадь, кот занял лежанку, а обычный вечер собирается стать совершенно необычным.

Как всё началось

Прежде чем мы начнём, нужно прояснить одну вещь: обычные коты не разговаривают человеческими словами. Они мяукают, мурлычут, двигают ушами и хвостами. Иногда смотрят так выразительно, что хозяева сами догадываются: миска пуста, дверь закрыта, кресло занято совершенно неподходящим человеком.

Маркиз был исключением. В этой истории ему повезло получить и кошачьи усы, и человеческую речь. Откуда взялось такое сочетание, кот не знал. А признаваться в незнании не любил. Поэтому предпочитал замечать, что некоторые вопросы разумнее обсуждать после ужина.

Жил он у Паши Громова. Паше было восемь лет, он учился во втором классе и умел замечать вещи, мимо которых взрослые проходили не оглядываясь. Например, трещину на асфальте, похожую на дракона. Или облако, которое сначала было зайцем, а потом явно перемудало.

В квартире на третьем этаже жили ещё мама Елена и папа Андрей Николаевич. Мама называла папу просто Андреем. Паша называл папой. А Маркиз до поры вообще никак его не называл, потому что при взрослых молчал.

Кот был шотландским вислоухим. Кремовая шерсть, тёмные лапы, тёмная мордочка и голубые глаза делали его похожим на сливочный десерт, который получил образование и перестал разрешать есть себя ложкой. Для чтения у Маркиза имелись маленькие очки в золотистой оправе. Кот утверждал, что они нужны для мелкого шрифта. Паша подозревал, что ещё и для важности.

У Паши были вихры, круглые щёки и полосатая пижама с карманами. В карманах постоянно что-нибудь находилось. Однажды туда попала улитка Степан. Про неё мы ещё поговорим. Пока важно знать, что улитка была благополучно возвращена на траву, а пижама — в стирку.

Паша любил рисовать динозавров, строить из коробок и придумывать планы. Иногда планы были хорошие. Иногда мама, услышав их, сначала спрашивала, где полотенце.

А ещё Паша очень не любил ошибаться. Ему казалось, что другие дети всё понимают сразу, а он один иногда застревает на простом месте. Конечно, это было не так. Но попробуй объясни такое мальчику, который сердится на пример в тетради.

Маркиз долго наблюдал с лежанки. Потом одна бумажка подкатилась слишком близко к его лапе. И терпение кота закончилось.

Глава 1

Холодильник после праздников

Если вы когда-нибудь открывали холодильник на следующий день после Нового года, то прекрасно знаете это особое чувство: там как будто всё есть — оливье, кусок торта, банка солёных огурцов и почему-то три лимона, происхождение которых уже никто не помнит, — но совершенно непонятно, что со всем этим богатством делать. То ли доедать, то ли выбрасывать, то ли просто закрыть дверцу и сделать вид, что ничего не видел.

Примерно так выглядела голова Паши в тот вечер, когда он смотрел на пример «3 × 4».

Цифры точно были на месте. Знак умножения тоже никуда не делся. Но что прикажете делать дальше — оставалось решительной загадкой, достойной самого Шерлока Холмса.

За окном догорал золотой вечер. Свет лился через занавески и ложился тёплыми полосами на деревянный пол, на письменный стол, на стопку учебников и на постер с динозаврами, который Паша выпросил у мамы ещё прошлым летом и с тех пор считал самым важным произведением искусства в комнате, важнее даже собственных рисунков.

Тикали настольные часы — методично, почти издевательски, будто специально напоминая, что время уроков совсем не резиновое и растягиваться по желанию не собирается.

Паша сидел за столом, сгорбившись, высунув язык настолько, что им, наверное, можно было бы дотянуться до соседней комнаты. В пальцах он сжимал карандаш, обкусанный со всех сторон — бедняга выглядел так, будто пережил личную и не самую дружескую встречу с бобром, причём не один раз, а минимум три.

— Знаете, — пробормотал он сам себе, ни к кому особенно не обращаясь, ведь в комнате, по его представлению, никого, кроме него, не было, — есть такие задачи, которые на вид простые-простые. Прямо вот ничего сложного. А посмотришь на них — и в голове пусто. Совсем пусто. Прямо как в холодильнике после праздников.

Он представил себе этот холодильник так живо, что у него даже заурчало в животе, и на секунду задумался, не сходить ли на кухню за бутербродом. Но потом вспомнил про пример и со вздохом отогнал эту прекрасную мысль.

В углу комнаты, на мягкой лежанке у тёплой батареи, развалился кот Маркиз. Поза его была настолько расслабленной, что напоминала кота, который только что вернулся с курорта и теперь восстанавливается после трудного отпуска. Он неторопливо и очень обстоятельно вылизывал переднюю лапу — с таким серьёзным видом, будто у него имелась докторская степень именно по этому делу, причём не одна, а сразу несколько, по разным специальностям.

Но один его глаз был чуть приоткрыт. И этот глаз — голубой, немигающий, неожиданно внимательный для существа, которое, казалось бы, занято исключительно собственной шерстью, — следил за каждым движением Паши.

Так начинался самый обычный вечер. Который, впрочем, обычным не остался — и, как вы скоро узнаете, не остался совсем чуть-чуть.

Глава 2

Бумажные шарики и один очень терпеливый кот

Минуты шли, а вместе с ними неумолимо росла гора скомканных листочков на полу — настоящий снежный сугроб, только сделанный из бумаги и отчаяния.

Первый листок полетел в сторону мусорной корзины — и, разумеется, промазал, отскочив от края и закатившись под кровать, где, вероятно, до сих пор лежит, дожидаясь генеральной уборки. Второй приземлился под стулом и был немедленно забыт. К третьему Паша уже не утруждал себя даже прицеливанием — просто комкал и кидал в направлении, приблизительно соответствующем «куда-то туда».

Он писал, зачёркивал, рвал, комкал. И снова писал. Считал на пальцах — сбивался — начинал заново, загибая то один палец, то другой, то почему-то мизинец на ноге, хотя это уже совершенно никак не помогало делу.

— Так... три умножить на четыре, это... это двенадцать. Нет, погоди, — бормотал он, морща нос от усердия. — Три... шесть... девять... десять... нет, опять не то! Кто вообще придумал умножение?! Зачем?!

Карандаш сломался прямо посреди очередной попытки — раздался жалобный хруст, и грифель куда-то закатился. Паша посмотрел на обломок таким взглядом, будто карандаш предал его лично, нарочно, со зла, ещё и за деньги. Он горестно вздохнул и полез в пенал за следующим — благо, мама, зная характер сына, исправно закупала карандаши целыми упаковками.

И вот тут случилось то самое — четвёртый бумажный шарик, запущенный уже с некоторой долей злости и даже, пожалуй, спортивного азарта, прокатился через всю комнату, описал изящную дугу мимо ножки стула и остановился ровно у лапы кота. Идеальный бросок, между прочим — Паше стоило бы записаться в баскетбольную секцию вместо того, чтобы мучить себя умножением.

Маркиз перестал вылизываться. Поднял голову. Посмотрел на шарик так, будто перед ним приземлился небольшой, но крайне наглый метеорит. Потом перевёл взгляд на Пашу. Потом снова на шарик — с видом человека, которому без всякого предупреждения принесли счёт за ремонт, который он не заказывал, не одобрял и заказывать не собирался ни сейчас, ни в обозримом будущем.

Затем — медленно, с огромным, почти королевским достоинством, — он отодвинул бумажку лапой подальше от себя, на безопасное расстояние. Как бы говоря всем своим видом: «Я в этом совершенно не участвую, я тут случайно, я вообще, можно сказать, сторонний наблюдатель».

Паша, не заметив этой маленькой молчаливой драмы, откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и произнёс фразу, которую рано или поздно в своей жизни произносит каждый второклассник на свете — фразу настолько древнюю, что её, наверное, говорили ещё мальчики и девочки во времена динозавров, если бы те, конечно, умели говорить и изучали умножение:

— Ну и зачем вообще нужна эта математика?! Вот вырасту — куплю калькулятор, и дело с концом! Огромный! С кнопками! И никогда больше его не выключу!

В комнате повисла тишина. Тикали часы. За окном вечер становился всё синее, а тени в углах комнаты — всё длиннее и загадочнее, будто готовились к какому-то важному событию.

И тут раздался звук, какого Паша прежде никогда не слышал ни от одного живого существа, включая бабушку, которая, как известно, мастер вздохов высшей категории. Звук был

тяжёлый. Протяжный. Полный неимоверной, прямо-таки вселенской усталости — такой, какая накапливается не за один вечер, а за месяцы, а то и годы терпеливого наблюдения.

Это вздохнул кот. Паша не придавал этому особого значения — мало ли, кошки вздыхают, наверное, как и все, особенно после плотного обеда. Он закрыл глаза, наслаждаясь собственным негодованием и предвкушая, как однажды действительно купит этот огромный калькулятор.

А зря закрыл. Потому что именно в эту секунду началось самое интересное за весь вечер, за всю неделю и, пожалуй, за всю Пашину короткую, но насыщенную жизнь.

Глава 3

Кот нарушает молчание

Услышав второй вздох — ещё тяжелее первого, ещё многозначительнее, — Паша наконец открыл глаза и медленно, очень медленно повернул голову к лежанке.

То, что он увидел, заставило его замереть с открытым ртом. Маркиз сидел уже совершенно прямо, будто явился на собеседование к чрезвычайно строгому начальнику — спина ровная, хвост аккуратно обёрнут вокруг лап, уши слегка прижаты в знак сосредоточенности. Глаза его были закрыты, а голова мерно покачивалась из стороны в сторону — точь-в-точь как у дедушки на скамейке во дворе, который уже в сотый раз слушает один и тот же анекдот от соседа и из последних сил сохраняет вежливость, потому что портить отношения с соседом — себе дороже.

Потом кот открыл глаза. Посмотрел прямо на Пашу — пристально, без всякого привычного кошачьего равнодушия. Глубоко вдохнул, расправив грудь, так, будто собирался произвести нечто судьбоносное, нечто такое, что войдёт в учебники истории, или хотя бы в семейные анекдоты на ближайшие двадцать лет.

— Па-а-аша, — произнёс он низким, чуть хрипловатым голосом, в точности таким, каким, наверное, разговаривал бы профессор, проработавший в университете лет тридцать пять, повидавший на своём веку тысячи нерадивых студентов и порядком от всего этого уставший, но всё ещё не разучившийся ценить хороший аргумент.

Кот выдержал паузу, как перед очень важным объявлением.

— Паша, ты устроил бумажную метель.

Если бы в эту секунду в комнату влетела летающая тарелка, приземлилась на письменный стол и вежливо попросила Пашу станцевать ламбаду в компании трёх зелёных инопланетян, мальчик удивился бы значительно, значительно меньше.

— ...Маркиз? — прошептал он, не веря собственным ушам, и даже на всякий случай ущипнул себя за руку — вдруг это сон, вдруг сейчас он проснётся, а домашнее задание так и останется недоделанным.

Щипок, к сожалению — а может, и к счастью, — оказался вполне реальным и довольно болезненным.

— Нет, Пушкин, — невозмутимо ответил кот, явно наслаждаясь произведённым эффектом. — Конечно, Маркиз. А кого ты ещё ожидал увидеть на этой лежанке? Сколько можно, а? Я лежу тут уже сорок минут. Сорок! Я считал. Слушаю. Наблюдаю. Я уже всё запомнил. С первого раза. А ты до сих пор на четвёртом листочке.

— На четвёртом, — зачем-то подтвердил Паша, хотя в данный момент количество листов было самой неважной деталью во вселенной.

— Столько бумаги, — кот спрыгнул с лежанки с лёгкостью, удивительной для существа его комплекции, потянулся — сперва передними лапами, выгнув спину дугой, потом задними, — и широко зевнул, продемонстрировав все свои зубы, включая те, о существовании которых Паша даже не подозревал и, признаться, предпочёл бы и дальше не подозревать.

— Подвинься. Дай помогу.

Паша не двигался. Рот его был открыт, глаза — огромные, как два чайных блюдца, а внутренний голос на разные лады повторял одно и то же слово: «Что? Что?! ЧТО?!»

— Ты... ты разговариваешь?! — наконец выдал он из себя.

— Я всегда разговаривал, — кот аккуратно, не задев ни единого листочка, ни одной крошки от вчерашнего печенья, запрыгнул на стол, демонстрируя акробатическую грацию, достойную цирка.

— Просто раньше не было повода. У нас с тобой, если уж быть совершенно откровенным, отношения ограничивались кормом, лежанкой и почёсыванием за ухом — причём почёсывание, признаю, было исключительно приятной частью этих отношений. А теперь появилась тема для серьёзного разговора. Итак.

Он наклонил голову влево, потом вправо, рассматривая тетрадь так, как искусствовед рассматривает подозрительную картину в музее — с прищуром, с долей скепсиса, с явным желанием найти подделку.

— Таблица умножения на три. Паша, это же элементарно.

— Но... но ты кот! — выдал Паша, всё ещё пытаясь осознать происходящее и подозревая, что либо сходит с ума, либо угодил в какой-то очень странный мультфильм.

— Это, — Маркиз поднял лапу с видом адвоката, который только что выиграл важный спор и теперь наслаждается реакцией зала, — никак не умаляет моей правоты. Кот я или не кот — три умножить на четыре всё равно остаётся двенадцать. Так что — ты будешь слушать, или предпочитаешь и дальше кидаться в меня бумагой и тратить впустую драгоценные карандаши?

Паша наконец закрыл рот, который, как оказалось, был открыт уже довольно долгое время. Помолчал. Медленно кивнул.

— Хорошо, — кот устроился поудобнее прямо на середине тетрадного листа, обернув хвост вокруг лап с видом окончательно расположившегося лектора.

— Тогда слушай внимательно. И перестань грызть карандаш — это негигиенично. И, между прочим, совершенно невкусно. Я как-то пробовал. Один раз. Совершенно случайно. В порядке научного эксперимента. Больше повторять не рекомендую.

Так закончился момент потрясения. И начался — хотя Паша об этом ещё не догадывался — самый странный, самый удивительный и, как окажется впоследствии, самый полезный вечер в его школьной жизни.

Глава 4

Лестница из троек

— Умножение, — начал Маркиз, прохаживаясь по столу взад-вперёд, точно профессор перед доской, заложив (если бы у него были руки) их за спину, — это просто быстрое сложение. Ничего больше. Три умножить на четыре — это три, повторённое четыре раза подряд. Три плюс три плюс три плюс три. Считай вслух, я послушаю.

— Три... плюс три — шесть, — неуверенно начал Паша, всё ещё немного ошарашенный происходящим.

— Правильно. Дальше.

— Шесть плюс три — девять...

— Продолжай, — кот кивнул с достоинством дирижёра, чей оркестр после долгих мучений наконец-то попал в нужные ноты.

— Девять плюс три... ДВЕНАДЦАТЬ! Это двенадцать!

Паша даже подпрыгнул на стуле от радости. Повисла пауза. Паша посмотрел на кота. Кот посмотрел на Пашу — долгим, оценивающим взглядом.

— Именно, — произнёс Маркиз наконец, и в его голосе послышалось нечто похожее на гордость, тщательно замаскированную под обычное кошачье равнодушие. — Видишь? Ты можешь разобраться. Я тоже поторопился с важным видом и словом «элементарно». Если непонятно, значит, надо объяснить иначе. Торопливость — главный враг математики. И, к

слову, мышей. Я хорошо знаком с обоими случаями, хотя по совершенно разным причинам, о которых распространяться не намерен.

Паша не удержался от смеха, представив, как Маркиз гоняется за мышью и вдруг останавливается посреди погони решить пример. Окрылённый первым успехом, он взял чистый лист бумаги — целый, не помятый, что само по себе было маленьким праздником.

— Маркиз, а ты давно умеешь говорить?

— С рождения, — кот обернул хвост вокруг лап чуть плотнее, словно укрываясь воспоминаниями, как пледом.

— Но я, видишь ли, очень избирательный собеседник. Большинство разговоров в этом мире — пустая трата времени. Зачем тратить голос на «кис-кис-кис», если можно молчать и получать то же самое поглаживание?

— А почему раньше молчал именно со мной?

— Потому что раньше ты справлялся сам, — кот посмотрел на него почти ласково.

— А сегодня начал мять бумагу и швырять её в меня, словно я мусорная корзина на четырёх лапах. Это, юноша, переходит все границы приличия.

— Я не в тебя швырял! — возмутился Паша, хотя в глубине души подозревал, что прицел у него и правда был не самый случайный.

— Шарик номер четыре, — холодно произнёс кот, явно припомнив каждую деталь инцидента, — упал в одном сантиметре от моей драгоценной лапы. Согласно международному кошачьему праву — а оно, поверь, куда строже человеческого, — это и называется «в меня».

— Извини, — тихо сказал Паша, и было видно, что он действительно сожалеет.

— Принято, — коротко кивнул Маркиз, не желая, впрочем, слишком долго задерживаться на сентиментальностях. — Пиши дальше. Время не резиновое, а у меня, между прочим, на сегодня ещё запланирован отличный сон на солнечном пятне у окна.

Работа закипела по-настоящему. Кот то и дело заглядывал в тетрадь, придирчиво проверяя каждую цифру, то и дело смотрел в окно с видом философа, размышляющего о смысле бытия (хотя, скорее всего, размышлял он о том, не пора ли ужинать, и если пора, то будет ли сегодня рыба или, на худой конец, курица).

— Три умножить на семь... — бормотал Паша, считая на пальцах и уже не сбиваясь так часто, как раньше.

— Не спеши. Считай по порядку, шаг за шагом.

— Три... шесть... девять... двенадцать... пятнадцать... восемнадцать... двадцать один!

— Верно.

— Маркиз, я понял! — обрадовался Паша, отбросив карандаш и хлопнув в ладоши так звонко, что кот невольно прижал уши. — Это же как лестница! Каждый раз прибавляешь ещё одну ступеньку — по три! Поднимаешься, поднимаешься — и вот ты уже наверху!

Кот медленно повернул голову. Долго, очень долго смотрел на Пашу — так долго, что мальчик уже забеспокоился, не сказал ли он чего-то не того.

— Паша.

— Что? — насторожился он, уже думая, что снова что-то напутал.

— Это... хорошее сравнение. Молодец.

И отвернулся к окну с подчёркнутым равнодушием, будто и не говорил только что ничего особенного. Но если бы кто-то очень внимательно присмотрелся к уголку кошачьего рта в этот момент, то непременно заметил бы там нечто подозрительно похожее на улыбку — едва заметную, тщательно скрываемую, но самую настоящую.

Паша этого не заметил — он был слишком занят следующим примером, уже предвкушая очередную «ступеньку». Но мы с вами заметили. И это, согласитесь, очень важно.

Глава 5

Ноль который ничего не забрал

Паша решил, что после таблицы умножения на три остальные числа должны стать сговорчивее. Но в тетради появилась новая строка, и строка явно не собиралась помогать.

« 7×0 ».

— Маркиз, это какой-то ненастоящий пример.

Кот посмотрел через край очков.

— Весьма настоящий.

— Семь есть. Ноль тоже написан. А ответ — ничего!

— Ответ — ноль.

— Я так и сказал.

Маркиз предложил взять кубики. Паша принёс коробку и высыпал на ковёр целое строительное общество: красные, синие, зелёные. Один кубик сразу закатился под шкаф и перестал участвовать в математике.

— Сделай три кучки по два кубика, — сказал кот.

Паша сделал.

— Сколько всего?

— Шесть.

— А теперь две кучки по два.

— Четыре.

— Одну кучку по два.

— Два. Я понял!

— А теперь ноль кучек.

Паша отодвинул все кубики. На ковре ничего не осталось, кроме кота.

— Ноль, — сказал он. — Но ты остался.

— Я в условия не входил. Моя численность считается отдельно.

Паша посмотрел на пустое место. На этот раз ноль оказался не странной дырой в ответе, а вполне понятным количеством кучек.

Потом кот предложил семь тарелок, на каждой ноль печений. Паша нарисовал семь кружков.

— Самое грустное чаепитие, — заметил он. — Но математически ясное. Сколько печений?

— Ноль.

— Значит, семь раз по ноль — тоже ноль.

Паша написал ответ. Потом решил придумать свою задачу: «У Маркиза было семь мышей, но он поймал ноль».

— Это клевета, — сказал кот. — Почему? Ты же сейчас не ловишь мышей.

— Потому что их здесь нет. Следовательно, задача начинается с неверного предположения.

Паша зачеркнул мышей и заменил их на воображаемые шляпы. Маркиз в семи шляпах мог появиться только в рисунке, поэтому возражений было меньше.

— Семь котов надели по ноль шляп, — прочитал мальчик.

— Сколько шляп?

— Уже лучше.

На рисунке вышло семь голых кошачьих голов. Паша одному всё-таки пририсовал маленькую корону.

— Для важности.

— Тогда шляп всё ещё ноль, а корона одна. Не перепутай разные предметы.

Паша стал решать дальше. Через несколько примеров обнаружил, что умножение на один ничего не увеличивает.

— Один — честный, — сказал он. — Сколько взял, столько вернул.

— Хорошее сравнение. Только числа ничего не берут на самом деле.

— Это я понимаю. Я им характеры придумываю.

Ноль получился спокойным. Единица — аккуратной. Двойка — похожей на лебедя, который всюду ходит с приятелем. Тройка — на кота, согнувшегося сбоку, хотя Маркиз отказался подтвердить такое сходство.

На следующей странице Паша нарисовал маленький числовой город. Дома были подписаны цифрами. Возле нуля стоял пустой гараж.

— А ноль там живёт? — спросил кот. — Нет. Он обозначает, что машин нет.

Маркиз довольно кивнул. Когда задача была закончена, Паша полез под шкаф за укатившимся кубиком. Достал его линейкой, сложил всё в коробку и пересчитал. Одного опять не хватало.

Кот поднял лапу. Под ней лежал красный кубик.

— Ты же говорил, что неходишь в условия!

— Я вышел из условий и вошёл в строительство, — ответил Маркиз.

Из красного кубика ему построили маленькую ступеньку возле лежанки. Ступенька оказалась не очень нужной, но кот принимал любые сооружения, если от него не требовали немедленно ими пользоваться.

Глава 6

Мы сделали

Примеры заканчивались один за другим, и с каждым новым решённым примером воздух в комнате становился всё более праздничным — насколько вообще может быть праздничным воздух над школьной тетрадкой, испещрённой цифрами и пометками.

Когда Паша дописал последний пример — «три умножить на десять — тридцать!» — он откинулся на спинку стула и засиял так, будто его только что наградили золотой медалью на самой важной олимпиаде планеты.

— Я сделал! Маркиз, я всё сделал!

— Мы сделали, — невозмутимо поправил кот, не спеша слезая со стола и аккуратно избегая наступить на чернильное пятно, оставленное где-то посреди тетради. — Есть разница, и существенная.

— Мы сделали! Маркиз, ты лучший учитель на свете!

Паша вскочил со стула — так резко, что тот чуть не опрокинулся, — и бросился обнимать кота. Тот на секунду замер с видом человека (точнее, кота), которого застучали враспих с поличным посреди какого-то секретного дела, — но не убежал. Не зашипел. Не вырвался, как сделал бы при обычных обстоятельствах. Позволил. Даже на мгновение прикрыл глаза, словно наслаждаясь моментом чуть больше, чем готов был признать.

— Ты мнёшь мою шерсть, — проворчал он, впрочем, совершенно без злости, скорее для порядка.

— Знаю, — не отпуская, ответил Паша, уткнувшись носом в мягкий кошачий бок.

— ...Ладно. Пять секунд, — смиростивился кот. — Не больше. У меня график.

(У кота, разумеется, никакого графика не было — если не считать графиком чередование сна, еды и наблюдения за голубями за окном. Но признаться в этом было бы совсем не по-кошачьи, а Маркиз, как мы уже выяснили, дорожил своим достоинством превыше всего.)

Вечером, собирая с пола свою маленькую армию бумажных шариков — а заодно и обломки несчастного карандаша, и даже тот первый листок, что закатился под кровать (Паша его всё-таки нашёл, вооружившись линейкой), — мальчик вдруг сказал, не поднимая головы:

— Маркиз... а завтра у меня русский язык.

Кот, уже почти задремавший на лежанке, разнежившись после тёплых объятий и сытного ужина, приоткрыл один глаз.

— Знаю. Я слышал, как ты читал вслух на прошлой неделе. И, признаться, кое-что меня тогда насторожило.

— И? — насторожился Паша, замерев с зажатым в кулаке бумажным шариком.

— И нам предстоит серьёзный разговор. О букве «ъ».

Паша усмехнулся — он решил, что кот шутит, как и положено хорошему учителю под конец длинного дня. В конце концов, что может быть страшного в одной-единственной букве, которая, между прочим, даже не произносится вслух и существует, кажется, исключительно для того, чтобы портить жизнь второклассникам?

Он сложил последний шарик в кучку, выключил настольную лампу и улёгся в кровать, совершенно уверенный, что завтрашний день будет самым обычным.

Он ещё не знал, что эта маленькая, скромная, почти невидимая буква доставит ему завтра немало хлопот — куда больше, чем казалось возможным.

Но об этом — в следующей главе.

Глава 7

Катастрофа районного масштаба

На уроке Паша ошибся в нескольких словах диктанта. Больше всего ему запомнилось «объявление»: он пропустил твёрдый знак. После школы он зашёл в магазин за хлебом, как договорился с мамой. А дома обнаружил, что дневника нет.

День начинался как самый обычный школьный день — с будильника, с недовольного кряхтения, с урока, с перемены, ещё с одного урока — и закончился так, как нередко заканчиваются дни второклассников: настоящей, полноценной катастрофой.

Дверь квартиры распахнулась настолько резко, что чуть не слетела с петель, а дребезжащий звук эхом разнёсся по всему подъезду, заставив соседского кота этажом ниже вздрогнуть и спрятаться под диваном. В прихожую влетел Паша — ранец на одном плече, шнурок развязан и волочится за ним, как побеждённая змея, щёки красные, как два соревнующихся друг с другом помидора, дыхание сбито от долгого бега.

Ранец немедленно полетел на пол с глухим стуком. За ним последовало всё его содержимое: учебники, разлетевшиеся веером, пенал, раскрывшийся и выплюнувший наружу карандаши и ластик, смятый бутерброд в фольге (один), ещё один смятый бутерброд в фольге (почему-то целых два — загадка, достойная отдельного расследования, поскольку Паша точно помнил, что мама дала ему только один), линейка, закатившаяся под тумбочку, и одинокий носок без всякого объяснения, как он вообще туда попал — ведь Паша точно помнил, что выходил из дома в двух носках, причём на обеих ногах.

— Ну где... где же ты... — бормотал Паша, роясь в этом маленьком археологическом раскопе с таким отчаянием, будто искал не школьный дневник, а зарытый клад капитана Флинта. — Я же точно клал! Или не клал? Нет, точно клал! Или нет?!

Из комнаты неторопливо, шаг за шагом, вышел Маркиз. Остановился в дверях. Посмотрел на разгром. Посмотрел на Пашу.

Снова на разгром — с видом инспектора, прибывшего на место преступления и уже сделавшего пару неутешительных выводов исключительно по характеру беспорядка.

— Добрый день, — сухо произнёс он. — Маркиз, не сейчас! Я потерял дневник! — выпалил Паша, даже не поднимая головы, продолжая судорожно копать в учебниках.

— Знаю, — сказал кот.

Паша замер на полуслове. Медленно поднял голову.

— Знаешь?!

— Знаю.

— ГДЕ ОН?! — взвыл Паша голосом, который, наверное, было слышно даже на улице, и, возможно, даже на соседней улице.

— Сначала, — кот развернулся и неторопливо направился обратно в комнату, не оборачиваясь, всем своим видом демонстрируя полное спокойствие, — переобулся. Потом подбери то, что ты разбросал по всей прихожей, словно тут пронёсся небольшой торнадо. Потом поговорим.

— Маркиз!!!

— Паша даже топнул ногой, чудом не наступив на собственный шнурок.

— Бутерброд на полу, — донеслось уже из комнаты, абсолютно невозмутимым тоном, — это негигиенично. Причём оба бутерброда сразу — вдвойне негигиенично. Я уже неоднократно высказывался насчёт карандашей. Теперь, видимо, придётся высказываться насчёт бутербродов отдельным курсом лекций.

Паша, ворча себе под нос что-то про несправедливость этого мира и про то, что некоторые коты совершенно не понимают трагедии момента, всё же стащил с ног ботинки, надел тапочки и принялся собирать раскиданные вещи — учебник за учебником, карандаш за карандашом. И, надо признать, чем дольше он этим занимался, тем спокойнее становилось у него на душе, будто вместе с разбросанными бутербродами он подбирал с пола и собственную панику, складывая её обратно в какой-то дальний, менее заметный карман.

К тому моменту, как порядок в прихожей был более-менее восстановлен — носок, к слову, так и остался загадкой и был временно водворён на полку для шапок, — Паша уже был готов к серьёзному разговору. И, чего уж там, успел проголодаться, поглядывая на оба несчастных бутерброда с явным сожалением о том, что есть их с пола теперь точно нельзя.

Глава 8

Тройка за слово объявление

Паша уселся на край кровати, шумно выдохнув, будто только что разгрузил вагон с углём. Ранец был собран, ботинки стояли у двери ровно — мысок к мыску, — а носки, пусть и разные, но это, как известно всем второклассникам мира, преступлением не считается, особенно если один из них в зелёный горошек, а второй в синюю полоску, и оба, в сущности, по-своему хороши.

Маркиз расположился на лежанке с видом судьи, готовящегося к важному, возможно, даже историческому процессу. Хвост его был аккуратно подобран, спина прямая, взгляд серьёзный.

— Ну? Где дневник?

— Сначала скажи мне, — кот прищурился, изучающе глядя на Пашу, — ты вообще помнишь, когда видел его в последний раз? Подумай хорошенько, не торопись.

— На уроке. Нам поставили оценки. По чтению — пятёрка, между прочим, лучшая в классе...

— И? — кот, кажется, заранее знал, что дальше последует что-то менее радостное, и в его взгляде уже мелькнуло сочувствие пополам с предчувствием.

Паша посмотрел в пол, ковыряя носком тапочка ковёр.

— И тройка. По русскому. За диктант.

Часы на стене тикали особенно громко, как будто тоже ждали ответа.

— За какое слово? — спросил кот таким тоном, каким опытный врач спрашивает у пациента: «И давно у вас это болит, голубчик?»

— За «объявление». Я написал без «ъ».

Кот закрыл глаза. Медленно кивнул — так кивает человек, который только что выиграл спор сам с собой и совершенно этому не рад, потому что предпочёл бы оказаться неправым.

— Я так и знал, — вздохнул он тяжело, точь-в-точь как вчера над тетрадь с умножением. — Что ж. Значит, время пришло.

— Время чего? — не понял Паша, насторожившись.

Но Маркиз не ответил сразу. Он лишь поднялся, прошёлся вдоль лежанки взад-вперёд, разминая лапы, и посмотрел на Пашу так, будто перед ним стоял не просто мальчик в разных носках, а целая нерешённая, запутанная, требующая немедленного вмешательства задача.

— Время, — наконец произнёс он, — взяться за дело основательно. Готовься, Паша. Сегодня вечером мы построим забор.

— Забор?! — изумился Паша.

— Какой ещё забор?! У нас нет дачи!

— Узнаешь, — таинственно ответил кот, и в его голосе послышались нотки настоящего, неподдельного предвкушения. — А пока — слушай меня внимательно.

Глава 9

Кот который умеет читать расписание

— Маркиз, ну скажи, где дневник! — взмолился Паша, чувствуя, как тревога снова подкатывает к горлу.

— Мама придёт с работы, увидит тройку, и...

— И что — «и»? — кот склонил голову набок с самым невинным видом.

— Ну... расстроится. Может, даже накажет!

— Я не могу заранее знать, как отреагирует мама, — серьёзно сказал Маркиз. — Но мы можем разобраться с ошибкой и честно рассказать, что случилось. Оценка говорит о работе, а не о том, какой ты мальчик.

Паша задумался — по-настоящему задумался, наморщив лоб точно так же, как накануне над таблицей умножения, так что между бровями у него образовалась маленькая складочка.

— ...Чувствую, — наконец признал он. — Дневник постараемся найти вместе с мамой, — сказал кот. — А пока ждём её, можем разобрать слово «объявление». Ты читал расписание, и я запомнил, что завтра у вас диктант.

— Откуда ты вообще знаешь расписание?! — поразился Паша, на мгновение даже забыв про дневник.

— Оно висит на холодильнике, — невозмутимо пожал плечами кот, насколько это вообще возможно для существа без плеч в привычном понимании этого слова.

— Прямо рядом с магнитиком в виде ананаса, который, кстати, давно пора выбросить — он отвратителен. Я умею читать, Паша. Я кот, а не табуретка. Хотя, признаю, иногда веду себя как табуретка — особенно по утрам, до завтрака, когда меня лучше не трогать и ни о чём не спрашивать.

Паша невольно фыркнул от смеха, представив Маркиза в роли табуретки — с четырьмя лапами вместо ножек и совершенно недовольной мордой. И, кажется, именно этого смеха ему и не хватало, чтобы перестать паниковать и наконец взяться за дело с ясной головой.

— Ладно, — сказал он, выпрямившись. — Учи меня. Только быстро, ладно? Мне ещё дневник искать.

— Быстро не получится, — покачал головой кот. — Но получится хорошо. А хорошо — это куда важнее, чем быстро. Запомни это, кстати, тоже — пригодится в жизни не раз.

Глава 10

Забор между согласной и гласной

Кот запрыгнул на стол, уселся с прямой спиной и обернул хвост вокруг лап — точь-в-точь профессор перед лекцией, только в шерсти и с явно завышенным самомнением, впрочем, в данном случае вполне заслуженным.

— Буква «ъ». Твёрдый знак, — начал он торжественно, будто открывал заседание целой академии наук. — Многие думают, что он совершенно бесполезен, что он просто болтается в словах без всякого смысла, как пятое колесо у телеги. Это в корне неверно. Он просто скромный. Не любит привлекать к себе внимание, не звучит, не поётся, не выкрикивается с восторгом — но без него многое в языке попросту разваливается, как дом без фундамента.

— А зачем он вообще нужен? — спросил Паша, уже без прежнего раздражения, а с настоящим любопытством, придвигая к себе тетрадь.

— Сам ь звука не обозначает, — объяснил Маркиз. — В словах вроде «объявление» он показывает, что после согласного начинается сочетание со звуком «й». В наших примерах разделительный твёрдый знак стоит после приставки на согласную перед е, ё, ю или я. Попробуем увидеть это в словах.

— Как забор? — предположил Паша.

Кот посмотрел на него. Долгая, очень долгая пауза, во время которой по его морде пробежала целая буря чувств — от удивления до неохотного, но искреннего уважения.

— Для этих слов твёрдый знак можно представить как забор, — согласился Маркиз. — Только запомним и правило: приставка заканчивается согласной, следом е, ё, ю или я. В «объявлении» после «об» идёт я. Поэтому пишем ь.

Паша расхохотался, представив себе обезьяну-явление природы, и старательно вывел в тетради: «Об-ь-явление».

— Верно. Теперь «съезд». «С» и «езд». Между ними?

— Забор!

— Твёрдый знак. Пиши «съезд».

И так — слово за словом: «подъезд» (— Это где лифт? — спросил Паша. — Это где лифт, да, — кивнул кот, — и где иногда пахнет вчерашним борщом соседки снизу, но это уже отдельная, не лингвистическая проблема), «объём», «въезд». Маркиз диктовал размеренно, важно, со вкусом, Паша писал, высунув язык от усердия, и постепенно страница заполнялась аккуратными буквами, среди которых уже не было ни одной ошибки.

В перерыве между словами, разминая затёкшую руку, Паша вдруг спросил:

— Маркиз, а тебе никогда не скучно? Целый день дома один, пока я в школе, а мама на работе.

Кот посмотрел в окно — туда, где кружились в воздухе первые опавшие листья, золотые и багряные, медленно опускаясь на тротуар.

— Я наблюдаю, — сказал он, и в голосе его прозвучало что-то почти мечтательное. — За голубями, которые дерутся из-за одной-единственной крошки хлеба, хотя крошек вокруг полным-полно — глупые создания. За облаками, которые иногда складываются в смешные фигуры — вчера я видел облако, удивительно похожее на твою бабушку в шляпе. За тем, как ты делаешь уроки и пытаешься решить пример так, будто от этого зависит судьба всего человечества.

— И что ты думаешь, наблюдая за мной?

Долгая пауза, во время которой Маркиз, кажется, по-настоящему задумался, тщательно подбирая слова.

— Думаю: этот мальчик умнее, чем сам считает. Просто торопится. И не верит в себя — а зря, между прочим, потому что верить стоило бы куда больше.

Паша посмотрел на кота — серьёзно, без шуток, без привычного озорства в глазах. Потом расплылся в широкой улыбке, такой широкой, что щёки у него стали ещё круглее обычного.

— Спасибо, Маркиз.

— Не благодари, — кот поспешно отвернулся к окну, явно немного смущённый собственной откровенностью и, кажется, даже чуть покрасневший — насколько это вообще возможно для кота под шерстью.

— Пиши «объём». И не отвлекай меня больше разговорами про чувства, у нас тут урок, а не сеанс психотерапии.

Глава 11

Ошибка найденная самим собой

Закончив упражнения — а получилось их немало, целая страница, мелким почерком, с парой клякс по краям, — Паша с гордостью захлопнул тетрадь и потянулся, разминая спину.

— Готово! Я написал все слова!

— Проверь ещё раз, — невозмутимо отозвался кот, даже не открывая глаз — он успел задремать прямо на краю стола, свернувшись клубком.

— Опять проверять? — заныл Паша.

— Я и так всё проверил!

— Проверь, — повторил кот, не открывая глаз, тоном, не терпящим возражений.

Паша вздохнул так тяжело, что мог бы соперничать с самим Маркизом в искусстве вздохов, но всё же открыл тетрадь и начал читать вслух: объявление — есть, съезд — есть, подъезд — есть... объяснение...

Он замолчал. Уставился в тетрадь, наклонив голову, как будто слово могло исправиться само, если посмотреть на него достаточно строго.

— Я написал «объяснение». Без «ъ».

— Вижу, — кот наконец открыл один глаз.

— Ты специально не сказал?! — возмутился Паша. — Ты же видел!

— Когда сам замечаешь ошибку, легче понять, что случилось, — ответил Маркиз. — Но чужая подсказка тоже помогает. Давай исправим и проверим ещё раз.

Паша, всё ещё немного обиженный такой кошачьей хитростью, всё же исправил ошибку — и, исправляя, отчётливо почувствовал, что эту букву он теперь не забудет уже никогда. Примерно так же, как не забывают, что нельзя совать вилку в розетку, даже если очень интересно посмотреть, что будет, и даже если папа сто раз предупреждал.

— Готово. Теперь — дневник? — с надеждой спросил он, захлопывая тетрадь уже окончательно, на этот раз без помарок и пропущенных букв.

— Теперь — дневник, — кот посерьёзnel, сел ровно и спрыгнул со стола, приземлившись неожиданно мягко для такого солидного существа.

— Расскажи мне ещё раз, по порядку, что было после уроков. Ничего не упускай — даже самые скучные мелочи. Иногда именно в скучных мелочах прячется разгадка.

Глава 12

Кот детектив раскрывает дело

Паша закрыл глаза, стараясь вспомнить весь день целиком, словно прокручивая в голове настоящее кино — с самого начала, кадр за кадром.

— Урок закончился. Я убрал дневник в ранец, это я точно помню, я ещё застегнул молнию. Потом Серёжка позвал меня смотреть, как Димка прыгает через лужу...

(Димка, к слову, прыгнул крайне неудачно, приземлился аккурат в самую середину лужи и теперь, наверное, сушит ботинки на батарее, выслушивая от мамы целую лекцию про осторожность. Но это уже совсем другая история, может быть, для совсем другой книги.)

— ...Потом мы шли домой, болтали про всякое. Потом я зашёл в магазин за хлебом — мама просила, ещё дала мне денег и кошелёк.

— Стоп, — резко сказал кот, подняв лапу, точно регулировщик на перекрёстке. — Магазин. Расскажи подробнее. Каждую деталь.

— Магазин? — удивился Паша, не понимая, при чём тут булочная.

— Ты открывал ранец в магазине?

— Да, за кошельком... он лежал внутри, в боковом кармане...

— И застегнул его после? Молнию, я имею в виду, не кошелёк.

Долгая, очень долгая пауза. Паша медленно повернулся к коту, будто к нему только что пришло настоящее озарение, осветившее всё ярче, чем фонарь во дворе.

— ...Я не застегнул, — медленно произнёс он, и голос его упал почти до шёпота. — Я торопился, Серёжка ждал на улице, и я просто... сунул кошелёк обратно и побежал.

— А потом ты бежал домой. Быстро бежал, судя по твоему виду, когда ты влетел в прихожую.

— ...И дневник, наверное, выпал, — закончил Паша упавшим голосом, чувствуя, как внутри что-то сжимается.

Тишина повисла в комнате — на сей раз не сердитая, не отчаянная, а сосредоточенная, почти торжественная, как в кино перед самым важным моментом.

— Вероятно, — заключил Маркиз тоном опытного следователя, наконец раскрывшего дело века, и в его голосе зазвучали почти детективные нотки, — у магазина. Или по дороге, где-нибудь между магазином и домом. Нужно вернуться и поискать, пока совсем не стемнело и пока какой-нибудь дворник не смёл его вместе с листьями.

Паша вскочил на ноги, готовый бежать прямо сейчас, в одних носках, даже не надев ботинок. Но в этот самый момент случилось ещё кое-что важное — куда более важное, чем поиски дневника.

Глава 13

Момент выбора

В прихожей щёлкнул замок.

— Паша! Я дома! — раздался мамин голос, тёплый и немного усталый после рабочего дня, доносящийся вместе со звуком снимаемых сапог и шуршанием пакета с продуктами.

— Как дела в школе?

Паша застыл на месте, не успев надеть даже один ботинок, с занесённой над шнурком рукой. Он посмотрел на кота широко открытыми глазами. Кот посмотрел на Пашу — спокойно, твёрдо, без всякой паники.

— Вот и момент выбора, — тихо сказал Маркиз. — Можно промолчать. Сказать, что всё в порядке, что день прошёл хорошо, и тихонько сбежать на поиски, пока никто ничего не заподозрил. Можно сказать правду — прямо сейчас, не дожидаясь, пока всё откроется само.

— Но я ещё не нашёл дневник! — зашептал Паша в отчаянии, вцепившись в шнурок так, что костяшки побелели.

— Может, лучше сначала найти, а потом сказать? Тогда и расстраиваться будет не из-за чего!

— Паша. Правда, сказанная сразу, весит меньше, чем правда, которую обнаружили потом, — кот говорил негромко, но очень убедительно, глядя мальчику прямо в глаза.

— Это закон. Я его проверял лично, на собственной шкуре, в буквальном смысле этого слова.

— Когда это ты успел его проверить?! — изумился Паша, на секунду забыв даже про дневник и про маму за дверью.

— Когда разбил мамину вазу — ту самую, синюю, с цветочками, что стояла на полке в гостиной, — и промолчал целых двое суток, — мрачно признался кот, явно не горя желанием вспоминать подробности этой давней истории. — Думал, никто не заметит. Заметили, разумеется, на третий день. И эти двое суток ожидания были худшими двумя сутками моей жизни — хуже похода к ветеринару, хуже купания, хуже всего на свете. Поверь коту на слово, Паша. А теперь иди.

Паша помолчал ещё мгновение, глядя то на кота, то на закрытую дверь комнаты, за которой слышались мамины шаги. Потом медленно выдохнул, отпустил шнурок, встал и расправил плечи — так, как делают люди (и, как выяснилось, иногда даже мальчики восьми лет) перед чем-то трудным, но правильным.

И пошёл навстречу маме.

Глава 14

Шнурок и поиски под фонарями

— Мама, мне нужно тебе кое-что сказать, — выпалил Паша, едва увидев её в дверях, ещё в пальто, с пакетом продуктов в одной руке. Слова вырывались торопливо, будто он боялся, что если остановится, то передумает.

— Я получил тройку по русскому за диктант. И я потерял дневник. Наверное, в магазине или по дороге домой, я не специально, честно!

Мама помолчала, ставя пакет на тумбочку и снимая пальто, не торопясь с ответом — что, надо сказать, было куда страшнее, чем если бы она сразу начала ругаться.

— Понятно, — сказала она наконец. — И что ты собираешься делать?

Паша моргнул. Он, честно говоря, ожидал чего угодно — нотации, расстроенного вздоха, даже временного запрета на мультики — но не этого спокойного вопроса.

— Вернуться и поискать. Прямо сейчас, пока не стемнело, — твёрдо ответил он, к собственному удивлению совсем не чувствуя того страха, которого ожидал ещё минуту назад.

— Хорошо, — мама улыбнулась, и в этой улыбке было что-то одобрительное. — Я пойду с тобой. Только сначала завяжи шнурок — а то наступишь и грохнешься прямо в лужу, как тот ваш Димка, я уже слышала эту историю от его мамы по телефону.

Паша глянул вниз. Шнурок и правда болтался, готовый в любой момент устроить катастрофу районного, а то и областного масштаба.

— Маркиз, ты видел? — шёпотом крикнул он в сторону комнаты, завязывая шнурок двойным узлом на всякий случай — теперь уже точно надёжно.

Из комнаты — тишина. А потом, тихо, только для него, едва различимо:

— Видел. Молодец.

Паша улыбнулся себе под нос и побежал догонять маму, которая уже надевала куртку.

Они отправились на поиски, шагая вдоль вечерней улицы под золотисто-оранжевыми фонарями, только что зажёгшимися один за другим, среди шуршащих под ногами осенних листьев — рыжих, жёлтых, бордовых, словно весь тротуар был усыпан конфетти после какого-то праздника. Паша внимательно смотрел под каждую скамейку, под каждый куст, заглядывал даже в урны — на всякий случай, хотя мама строго-настрого запретила ему туда лезть руками.

И возле скамейки у входа в магазин он вдруг остановился, как вкопанный, не веря собственным глазам.

— ВОТ ОН!!!

Глава 15

Дневник вернулся домой

Дневник лежал прямо под скамейкой — слегка влажный от опавших листьев, помятый по краю, с отпечатком чьего-то ботинка на обложке, но целёхонький, со всеми страницами на месте. Паша рухнул на колени прямо на тротуар, не обращая внимания на холод, выудил его из-под скамейки и прижал к груди так крепко, будто это был величайший клад на всём белом свете, найденный после долгих лет поисков.

— Повезло, что никто не взял, — заметила мама, переводя дух и помогая ему подняться на ноги.

— Повезло, — согласился Паша, всё ещё не выпуская дневник из рук, проверяя, на месте ли бумажная божья коровка между страницами. Коровка была на месте, чуть помятая, но узнаваемая.

— Покажешь тройку? — спросила мама, и в её голосе не было ни капли угрозы — только спокойный интерес.

Паша на секунду замешкался — но только на секунду, вспомнив слова кота про правду, которая весит меньше, если сказать сразу. Он открыл дневник и показал страницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.